

УДК 930.2

Дореволюционное научное наследие С.Ф. Платонова в советской историографии

Илья В. Пашков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, st-pashkov.i@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема трансформации восприятия дореволюционного научного наследия Сергея Фёдоровича Платонова (1860–1933) в советской историографии. В центре внимания исследования – оценки в советской исторической науке двух монографий С.Ф. Платонова по мотивам магистерской (1888) и докторской (1899) диссертаций как наиболее крупных научных работ учёного дореволюционного периода. Рассматривается критика советскими историками источниковедческой работы, оценок социально-экономического и политического кризиса в Московском государстве конца XVI – начала XVII в., опричнины Ивана Грозного, восстания Ивана Болотникова, народных ополчений, интервенции, историко-географической работы и в целом оригинальности концепции Смуты С.Ф. Платонова. В связи с последним аспектом отдельно показана проблематика научных связей С.Ф. Платонова с В.О. Ключевским в советской историографии. Выделение советскими учёными положительных сторон в работах С.Ф. Платонова и рост интереса советской исторической науки к его личности представляют самостоятельный предмет изучения. В исследовании также предпринимается попытка составления комплексного взгляда на научное творчество С.Ф. Платонова с точки зрения советской историографии как наследие представителя дореволюционной исторической науки в целом.

© Пашков И.В., 2025

Ключевые слова: Сергей Фёдорович Платонов, Василий Осипович Ключевский, советская историография, Смутное время, Смута, опричнина, восстание Ивана Болотникова, Московское государство

Для цитирования: Пашков И.В. Дореволюционное научное наследие С.Ф. Платонова в советской историографии // Молодой историк. 2025. № 2. С. 137-155.

Pre-revolutionary scholar heritage of S.F. Platonov in Soviet historiography

Ilia V. Pashkov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, st-pashkov.i@rggu.ru*

Abstract. The article is dedicated to how the perception of the pre-revolutionary scholar heritage of Sergei Fedorovich Platonov (1860–1933) in Soviet historiography was transformed. The investigation focuses on the evaluation in Soviet historical science of two Platonov's monographs based on his master's (1888) and doctoral (1899) dissertations as the his most important scholar works of the pre-revolutionary period. The article examines the Soviet historians' criticism of source studies, assessments of the socio-economic and political crisis in the Moscow state of the late 16th – early 17th centuries, the oprichnina of Ivan the Terrible, the uprising of Ivan Bolotnikov, the people's militias, intervention, work in historical geography and, in general, the originality of S.F. Platonov's concept of Smuta. In connection with the latter aspect, the problems of scholar relations between S.F. Platonov and V.O. Klyuchevsky in Soviet historiography are demonstrated separately. The identification of positive aspects in Platonov's works by Soviet historians and the growing interest of Soviet historical science in his personality represent an independent subject of study. The author also attempts to compile a comprehensive view of Platonov's scholar activities from the point of view of Soviet historiography as the legacy of a representative of pre-revolutionary historical science as a whole.

Keywords: Sergey Fyodorovich Platonov, Vasilii Osipovich Klyuchevskii, Soviet historiography, Time of Troubles, Smuta, oprichnina, Uprising of Bolotnikov, Moscow State

For citation: Pashkov, I.V. (2025), “Pre-revolutionary scholar heritage of S.F. Platonov in Soviet historiography”, *Young Historian*, no. 2, pp. 137-155.

Широкий исследовательский интерес представляет научное наследие отечественного историка, академика Академии наук СССР Сергея Фёдоровича Платонова (1860–1933 гг.). С.Ф. Платонов считается крупнейшим позднеимперским и раннесоветским специалистом по отечественной истории XVI–XVII вв. и автором ряда ценных для исторической науки работ по отдельным сюжетам средневековой российской истории и петровской эпохи.

Научное творчество С.Ф. Платонова чётко разделяется на дореволюционный и советский периоды. Наиболее влиятельные крупнейшие труды историк написал в конце XIX – начале XX вв. В последние годы жизни С.Ф. Платонов опубликовал ряд биографических работ, исследования отдельных аспектов истории XVI–XVII вв. и эпохи Петра I, а также имел планы по написанию истории Древней Руси, которым не удалось реализоваться в полной мере [Брачев 1993, с. 120].

Дореволюционное научное наследие С.Ф. Платонова было предметом историографических исследований и дискуссий в советской исторической науке. Разнообразные оценки и критика отдельных аспектов исследований С.Ф. Платонова советскими историками уже сформировали широкое самостоятельное исследовательское поле, требующее критического историографического рассмотрения, что представляет собой научную проблему. Таким образом, настоящее исследование стремится охарактеризовать ключевые оценки дореволюционного научного наследия С.Ф. Платонова в советской историографии.

Первым трудом, благодаря которому С.Ф. Платонов получил научное признание от коллег, является его источниковедческое исследование «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник».

Работа над монографией велась в 1886–1888 гг., после чего С.Ф. Платонов защитил её в качестве магистерской диссертации 11 (23) сентября 1888 г. в Императорском Санкт-Петербургском университете. Впервые исследование было опубликовано в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1887–1888 гг., а затем издано отдельной книгой в том же году [Брачев 2010, с. 45, 59]. При жизни С.Ф. Платонова монография также была переиздана в 1913 г.

Изначально С.Ф. Платонов хотел изучить все литературные памятники XVII в., относящиеся к Смутному времени, но, постепенно углубляясь в тему, исключил практически все областные и местные сказания. В итоге учёный смог охватить более 60 произведений о Смуте по 150 рукописям из архивохранилищ Санкт-Петербурга, Румянцевского музея в Москве, Синодальной библиотеки, Библиотеки Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии, а также провинциальных архивов и библиотек благодаря усилиям управляющего делами Археографической комиссии А.Н. Майкова [Брачев 2010, с. 45–46].

В советской историографии было специально отмечено место исследования С.Ф. Платонова в отечественной исторической науке. Однако несмотря на научные достижения и организаторские заслуги С.Ф. Платонова перед советскими научными и культурными учреждениями, его судьба трагически закончилась поворотным для российской исторической науки «Академическим делом» 1929–1931 гг. В рамках процесса с 29 января по 16 февраля 1931 г. прошла серия объединённых заседаний Института истории при Ленинградском отделении Коммунистической академии и Ленинградского отделения Общества историков-марксистов, на которых были зачитаны разгромные доклады директора Института истории ЛОКИ Г.С. Зайделя и профессора Ленинградского института философии, лингвистики и истории М.М. Цвибака против историков Е.В. Тарле и С.Ф. Платонова соответственно. Несмотря на обстоятельства и тон текста, в докладе М.М. Цвибака о С.Ф. Платонове приводятся ценные биографические сведения и критика научных работ учёного.

М.М. Цвибак считал, что С.Ф. Платонов исследовал эпоху Смутного времени, потому что больше всего его «интересовала

контрреволюция, ликвидация “смуты”, чем историк собирался научно обосновать правление династии Романовых [Зайдель, Цвибак 1931, с. 79]. М.М. Цвибак также раскритиковал источниковедческую работу С.Ф. Платонова за простой поиск фактологии без классовой подоплёки, в результате чего обвинил его в правых взглядах. Примером тому служит, по мнению М.М. Цвибака, отношение С.Ф. Платонова к памятнику эпохи Смуты «Сказанье о бедах и скорбях», который исследователь отказался признать историческим источником из-за излишне предвзятого восприятия современных произведению политических событий с точки зрения низших слоёв общества [Зайдель, Цвибак 1931, с. 89].

Н.Л. Рубинштейн отмечал труд С.Ф. Платонова в контексте российской исторической науки «эпохи империализма», когда источниковедческая работа часто предшествовала более крупному конкретно-историческому исследованию [Рубинштейн 1941, с. 492]. Именно в связи с этой тенденцией С.Ф. Платонов перед написанием фундаментального труда по истории Смуты углубил изучение источниковой базы эпохи. По мнению Н.Л. Рубинштейна, благодаря исследованию С.Ф. Платонова историческую повесть удалось рассмотреть как источник сведений о социальной борьбе в Русском государстве конца XVI – начала XVII вв. [Рубинштейн 1941, с. 505]. В.Е. Иллерицкий также отмечал, что С.Ф. Платонов «проделал большую работу по изучению источников начала XVII века – сказаний и повестей, впервые опубликовав многие из них и написав специальный труд, посвящённый их анализу» [Иллерицкий 1957, с. 59–60].

С.Н. Валк заметил, что С.Ф. Платонов, приступая к изучению Смутного времени, поставил цель исследовать общественные отношения того времени для отслеживания развития событий и расширения их понимания и показал образцовый пример исследования такого сложного исторического источника. С.Н. Валк также подчеркнул достоинства исследования С.Ф. Платонова, заключающиеся в том, что он очень качественно отразил в источниковедческой критике контекст эпохи и обстоятельства, в которых возникали изучаемые источники, а также

то, как эти источники отражали борьбу социальных групп и их интересы [Валк 1948, с. 48].

С.М. Каштанов связал источниковедческие исследования литературных памятников в 1880-е гг. со стремлением изучать кризисные эпохи в истории России. Несмотря на то, что не все источниковедческие работы этого времени имели политический уклон, монография С.Ф. Платонова «живо перекликалась с проблемами современности». По мнению С.М. Каштанова, С.Ф. Платонов свёл весь конфликт Смуты к внешнеполитической борьбе с врагами русской народности и православия, однако впервые в источниковедческих исследованиях второй половины XIX в. указал на политическую предвзятость авторов литературных памятников [Очерки 1960, с. 590–591].

В 1905 г. слушатели Петербургского археологического института издали литографированный курс лекций С.Ф. Платонова по источниковедению. С.М. Каштанов отметил, что, согласно этому курсу, в трактовке понятия исторического источника Платонов следовал воззрениям Ключевского, «разумея под источником “всякий остаток старины, который мы изучаем”» [Очерки 1963, с. 575]. При этом С.М. Каштанов раскритиковал классификацию исторических источников Платонова (разделение на летописные и юридические) как «лишённую историзма», так как тем самым С.Ф. Платонов отверг исследование классовой природы источника [Очерки 1963, с. 576]. М.В. Нечкина писала, что «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник» С.Ф. Платонова «были в числе новинок, которые легли на столе Ключевского, когда он впервые набросал план специального источниковедческого курса» [Нечкина 1974, с. 291].

А.Л. Шапироставил в заслугу С.Ф. Платонову публикацию источников начала XVII в., ставшую ценным материалом для исследователей разных профилей. А.Л. Шапиро также отметил источниковедческий анализ С.Ф. Платонова памятников начала XVII в. и восстановление учёным биографий авторов некоторых источников [Шапиро 1962, с. 46–47]. В этой связи Ю.А. Иванов заметил, что С.Ф. Платонов устанавливал социальный контекст происхождения изучаемых памятников, проверяя тем самым их

подлинность. Источниковедческая работа С.Ф. Платонова подготовила методологическую основу для его дальнейших исследований Смутного времени с точки зрения социальной и политической борьбы [Иванов 1983, с. 93–94].

По мнению В.А. Шарова, С.Ф. Платонов скрупулёзным анализом литературных источников начала XVII в. восполнил важный пробел в отечественной историографии. Учёный не только ввёл в научный оборот новые источники и дал им исчерпывающую критическую характеристику, но также создал основу для литературоведческих исследований той эпохи. Таким образом, С.Ф. Платонов смог выявить и опубликовать практически все известные в то время памятники, предварительно изучив их как источники общественно-политической мысли [Шаров 1984, с. 74].

А.Н. Цамутали считал источниковедческие исследования С.Ф. Платонова осмыслением современных ему событий. Исследователь объяснил изначальный интерес С.Ф. Платонова к народным ополчениям 1611–1612 гг. и их социальному составу, что в итоге привело его к источниковедческому исследованию, изменениям в политических взглядах, вызванных убийством императора Александра II в конце университетского обучения С.Ф. Платонова. Это событие привело к новым общественным вопросам, в частности, о тех общественных силах, которые могут восстановить государственный порядок, и ответ на это можно было найти в истории Смутного времени [Цамутали 1986, с. 82–83].

Главным научным трудом и творческим достижением С.Ф. Платонова, по его собственному признанию, является его монументальное исследование «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII в. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)», защищённое им в качестве докторской диссертации 3 (15) октября 1899 г. в университете Св. Владимира в Киеве и дважды переизданное при его жизни (в 1901 г. и в 1910 г.). С.Ф. Платонову удалось написать диссертацию «в рекордно короткий срок» – с января 1896 г. по лето 1899 г. – благодаря освобождению от ряда должностей и наличию основы из магистерской диссертации [Брачев 2010, с. 99–101].

В первой части своего исследования С.Ф. Платонов представил подробную географическо-экономическую справку о Московском государстве XVI в. и историю социально-экономического и политического кризиса второй половины XVI в., предшествовавшего Смуте. Во второй части, соответственно, в хронологическом порядке описывается сама история Смуты, разделённая на три периода и восемь «моментов» – от прерывания династии Ивана Калиты в 1598 г. до воцарения Михаила Романова в 1613 г. Кроме ранее изученных Платоновым древнерусских повестей и сказаний о Смутном времени, «широко использованы в “Очерках” и документы центрального и местного делопроизводства Московского государства: писцовые, переписные, дозорные и разрядные книги, монастырские грамоты, другие материалы» [Брачев 2010, с. 103–104].

Вскоре после следствия по «Академическому делу» 1929–1931 гг. часть историков, проходивших по нему, в том числе Е.В. Тарле, смогли вернуться из ссылки и вновь приступить к своей работе. Этого не застал С.Ф. Платонов, скончавшийся в ссылке в Самаре. При этом сами инициаторы дела стали жертвами репрессий в 1937 г. Среди них были уже упомянутые Г.С. Зайдель и М.М. Цвибак, подготовившие разгромные доклады против «старых» историков, а также представители так называемой «школы М.Н. Покровского», лидер которой и организовал травлю учёных.

На фоне этих событий если не сам С.Ф. Платонов, то его научное наследие было в каком-то смысле «реабилитировано» посмертным переизданием «Очерков истории Смуты» в 1937 г. В рецензии А. Иванова на переизданную монографию отмечается, что она представляет собой «ценный и полезный труд», но при этом в ней вся Смута сводится «к политической борьбе вокруг самодержавия», а также отсутствует «правильная оценка борьбы русского народа против “иноземщины”» [Иванов 1938, с. 155–156].

Ранее М.М. Цвибак обвинял С.Ф. Платонова в оправдании своим исследованием правления Романовых и в исключении им революции и общественного переворота ради борьбы за порядки конца XVI в. с помощью представителей «средних классов» – низовых дворян и посадских людей, составивших основу «контрреволюции» и формирования «самодержавно-

крепостнической России» вместо «капиталистической России». При этом С.Ф. Платонов, по наблюдениям М.М. Цвибака, не считал народное движение жизнеспособным, но и не критиковал его как классово враждебное [Зайдель, Цвибак 1931, с. 81–82].

Н.Л. Рубинштейн установил, что С.Ф. Платонов рассматривал историю Смуты с точки зрения разрушения и восстановления государственного порядка, но его новшество для буржуазной историографии заключается во взгляде на Смуту с точки зрения социальной борьбы. При этом данная С.Ф. Платоновым в исследовании социальная характеристика «неопределенна и чужда самого понятия класса», а события всё же подчинены политике [Рубинштейн 1941, с. 504–505].

Н.Л. Рубинштейн также обнаружил заимствование С.Ф. Платоновым у В.О. Ключевского идеи последовательного вовлечения в Смуту всех слоёв общества Московского государства [Рубинштейн 1941, с. 505]. М.В. Нечкина уточнила, что это положение Платонов взял из литографированного «Курса русской истории» В.О. Ключевского ещё до его официальной полной публикации [Нечкина 1974, с. 514–515]. В.Е. Иллерицкий практически отказал С.Ф. Платонову в оригинальности его концепции Смуты в пользу В.О. Ключевского и посчитал, что его исследование ещё теснее сблизило дворянскую и буржуазную историографию к концу XIX века из-за оценок Смутного времени с «монархических позиций» и отношения к народным движениям эпохи как «канархическим» [Иллерицкий 1957, с. 60].

А.Л. Шапиро выявил приверженность С.Ф. Платонова «вульгарной буржуазной теории факторов» В.О. Ключевского из-за рассмотрения первым социального конфликта классов наравне с политической борьбой за престол и даже возвышения в истории Смуты политического фактора над экономическим. А.Л. Шапиро также упрекнул С.Ф. Платонова в политической ангажированности за подчёркивание им особой роли служилого дворянства и посадских торговых людей в народных ополчениях в борьбе против интервентов [Шапиро 1962, с. 48–49].

Л.В. Черепнин отмечал значительное количество исторического материала, изученного С.Ф. Платоновым, и считал его труда «достижением буржуазной историографии». Однако

привязка ученым Смуты к династическому кризису с последующим её разрешением за счёт избрания нового царя, а также рассмотрение им народных выступлений как общественного «недуга» свидетельствуют, по мнению Л.В. Черепнина, о «консервативно-монархических взглядах» С.Ф. Платонова и о «торжестве самодержавия» как «оплота порядка» в его концепции истории Смутного времени [Очерки 1963, с. 317–318].

И.К. Додонов тоже отмечал масштабы охваченного С.Ф. Платоновым документального материала как одну из сильнейших сторон его монографии вместе с верным описанием причин кризиса конца XVI в., выросшего из опричнины и накопившихся противоречий среди московской элиты. Однако Платонов в большей степени, как считал И.К. Додонов, сконцентрировался на борьбе «верхов», не раскрыв тем самым классовых противоречий в Московском государстве и показав, чем может быть опасен кризис самодержавной власти [Историография 1971, с. 408–409].

А.М. Сахаров утверждал, что идеи русских книжников XVII в. о прямой связи Смуты с пресечением царской династии напрямую повлияли на политические взгляды и монархические убеждения С.Ф. Платонова. При этом учёный отметил богатство фактического материала исследования С.Ф. Платонова и качественное развертывание им полной картины событий и связей эпохи, что позволило сохранить интерес советских историков к его монографии. Тем самым Платонов использовал достижения либеральной историографии для расширения методологической основы изучения Московского самодержавного государства XVI–XVII вв. [Сахаров 1978, с. 212].

Ю.А. Иванов обнаружил предложенную С.Ф. Платоновым периодизацию истории Смуты в «Новом летописце», которую ранее также взял В.О. Ключевский за основу своих построений [Иванов 1983, с. 96]. Платонов первым в дореволюционной историографии подробно изучил деятельность, состав и причины распада Первого ополчения, хотя, как считает Ю.А. Иванов, идея победы в Смуте «средних слоёв» общества и общие итоги кризиса, сформулированные Платоновым, не отличались от выводов Ключевского [Иванов 1983, с. 98–99].

В.А. Шаров назвал «самой разработанной» концепцию истории Смутного времени, предложенную С.Ф. Платоновым, возведя её к взгляду С.М. Соловьёва на Смуту как на реакцию государственной централизации на «анархические силы» [Шаров 1984, с. 125]. Среди достоинств работы С.Ф. Платонова В.А. Шаров отметил периодизацию изучаемой эпохи, систематизацию множества событий и фактов и создание цельной картины этого сложного периода в истории России [Шаров 1983, с. 161].

А.Н. Цамутали считал монографию С.Ф. Платонова первым в отечественной историографии специальным исследованием социально-экономического и политического кризиса в Московском государстве XVI – начала XVII в. При этом Платонов развил взгляды С.М. Соловьёва и В.О. Ключевского о значительном влиянии географического фактора на исторический процесс [Цамутали 1986, с. 83–84].

С.Б. Веселовский раскритиковал предложенную С.Ф. Платоновым трактовку опричнины Ивана Грозного, посчитав её не оригинальным исследованием, а обобщением существовавшей на тот момент историографии по этой теме [Веселовский 1963, с. 29]. С.Б. Веселовский назвал «сплошным недоразумением» и «запоздалой лет на сто» для времени Ивана Грозного концепцию опричнины, предложенную С.Ф. Платоновым, согласно которой московский царь боролся с бывшими удельными княжатами, потому что считал их «могущественными феодалами» [Веселовский 1963, с. 32]. Историк также посчитал несостоятельным «заявление С.Ф. Платонова о том, что царь в опричнине отбирал земли у монастырей и раздавал их в поместья опричникам» [Веселовский 1946, с. 87]. По мнению С.Б. Веселовского, С.Ф. Платонов позаимствовал у С.М. Соловьёва идею перевоплощения опричнины в позднейший царский двор якобы в целях представления опричнины как продуманной государственной реформы [Веселовский 1946, с. 98].

С.Н. Валк высоко оценивал монографию С.Ф. Платонова в среде дореволюционной историографии и, в отличие от С.Б. Веселовского, считал оценки опричнины одним из достоинств работы С.Ф. Платонова наряду с характеристикой правления Бориса Годунова и описанием истории нижегородского ополчения

[Валк 1948, с. 52]. По мнению Л.В. Черепнина, С.Ф. Платонову удалось углубить понимание опричнины и связать её с историей развития Русского государства в целом, а также доказать борьбу с политическими привилегиями боярства за счёт включения в опричнину земель княжат [Очерки 1963, с. 317]. И.К. Додонов утверждал, что С.Ф. Платонов перенял у В.О. Ключевского и С.М. Соловьёва идею борьбы государственного начала против «анархии», поэтому пришёл к выводу об опричнине как о ликвидации феодальной раздробленности с целью централизации государства [Историография 1971, с. 409].

Р.Г. Скрынников отметил, что С.Ф. Платонов наиболее полно в дореволюционной историографии раскрыл кризис второй половины XVI в., предшествовавший Смуте, но раскритиковал отдельные замечания С.Ф. Платонова о ходе событий Смуты, в частности о роли казаков и способствовании политики Бориса Годунова успеху самозванца [Скрынников 1985, с. 5]. В.А. Шаров скорректировал оценку позиции С.Ф. Платонова по опричнине, отметив, что ученый положительно относился к опричнине только в её целеполагании и замысле организатора, но его взгляд на реализацию и средства опричной политики «скорее отрицателен» [Шаров 1984, с. 124].

И.И. Смирнов считал, что С.Ф. Платонов воспроизвел взгляд В.О. Ключевского на восстание Ивана Болотникова как на борьбу низших классов против высших с той лишь разницей, что предпосылки восстания петербургский историк видел в конфликте «служилых землевладельцев» и «работных людей»; Платонов также более последовательно провёл мысль о социальном характере восстания, проанализировав политическую программу восставших [Смирнов 1951, с. 21–23]. А.Л. Шапиро также отметил, что С.Ф. Платонов увидел причину восстания Болотникова в социальном конфликте служилого дворянства и трудовых масс, при этом Платонов первым в дореволюционной историографии указал на желание восставших совершить «коренной общественный переворот» [Шапиро 1962, с. 48]. По мнению А.Л. Шапиро, Платонов видел сущность социального конфликта в недовольстве трудовых масс военными нуждами государства, но Р.Г. Скрынников заметил, что тем самым С.Ф. Платонов

обосновывал одну из причин Смуты в южных городах [Скрынников 1985, с. 143]. Ю.А. Иванов отметил, что С.Ф. Платонов называл «классовой борьбой» именно восстание Болотникова, но не считал таковыми выступления при Борисе Годунове [Иванов 1983, с. 97]. По оценке В.А. Шарова, Платонову удалось рассмотреть взаимоотношения всех социальных групп среди восставших, помимо одного лишь крестьянства [Шаров 1984, с. 138].

Говоря об историко-географическом очерке о Русском государстве в конце XVI в. в монографии С.Ф. Платонова, Н.Л. Рубинштейн отметил, что практически каждое крупное историческое исследование конца XIX – начала XX вв. сопровождалось подобным географическим введением [Рубинштейн 1941, с. 494]. В.К. Яцунский считал, С.Ф. Платонов составил географическую главу по данным из научной литературы и некоторых опубликованных источников [Очерки 1960, с. 650]. М.Н. Тихомиров высоко оценил географический очерк С.Ф. Платонова, хотя его «задача, впрочем, чисто служебная», поэтому в нём упущены вопросы о сельских местностях, деление по городам является условным, слабо разработаны хозяйственны особенности разных областей России и не затронут вопрос о территориальном делении [Тихомиров 1962, с. 4]. В.А. Шаров, наоборот, считает, что С.Ф. Платонову удалось охарактеризовать социально-экономическое состояние Русского государства и показать разницу жизнедеятельности людей и их социального состава в разных областях страны в описываемую эпоху [Шаров 1984, с. 90–91].

Дореволюционное научное наследие С.Ф. Платонова ещё при жизни учёного широко обсуждалось в академической среде и на страницах прессы. Фундаментальные исследования историка заполнили один из крупнейших и сложнейших пластов российской истории XVI – начала XVII вв. Величина и значение трудов С.Ф. Платонова всегда отмечались в советской историографии. Как и полагается для таких крупных научных работ, изыскания С.Ф. Платонова также оставили широкое поле для дискуссий по отдельным проблематикам, затронутых историком. Несмотря на трагическую судьбу С.Ф. Платонова и фактический

разгром его как научной фигуры в советской исторической науке в начале 1930-х гг., советская историография продолжала обращаться к дореволюционному научному наследию учёного и выделять преимущества и достижения в его исследовательской деятельности. К 1980-м гг. в советской историографии сложилась устойчивая научная биография С.Ф. Платонова и сформировались позиции по отдельным положениям концепции историка.

Оценки источниковедческой работы С.Ф. Платонова и отдельно его магистерской диссертации «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник» в советской историографии являются в целом положительными. Несмотря на критику частных сюжетов и неточностей в работе С.Ф. Платонова, во все времена ценился его значительный вклад в изучении и публикации древнерусских литературных памятников первой половины XVII в. С.Ф. Платонов редко позиционировался в историографии как историк-теоретик, но его подходы к источниковедческой работе привлекали интерес исследователей. Источниковедческие исследования С.Ф. Платонова также рассматривались в разрезе взаимоотношений учёного с В.О. Ключевским, оказавшим значительное влияние на научное и творческое формирование петербургского историка, но впоследствии разошедшись с ним в исторических взглядах.

В советской историографии признавалось непреходящее значение главного научного труда С.Ф. Платонова «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII в. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)». Для советских историков во многом была характерна опора на политические взгляды С.Ф. Платонова при критике положений его исследования, хотя в точности его политическая позиция так и не была установлена: он считался то либеральным последователем В.О. Ключевского, то монархистом и консерватором. Хотя уже вскоре после смерти С.Ф. Платонова в советской исторической науке пристально разрабатывались отдельные проблемы, освещённые им в своей монографии, среди которых можно назвать географию и хозяйство Московского государства XVI в., опричнину Ивана Грозного, восстание Ивана Болотникова, народные ополчения и другие сюжеты истории Смутного времени.

В 1980-е гг. позиция С.Ф. Платонова по некоторым из этих вопросов была существенно уточнена, как и его интеллектуальные связи с В.О. Ключевским и С.М. Соловьёвым.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья выполнена в рамках проекта РГТУ «Интеллектуальная история как инструмент исторической экспертизы» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГТУ»).

ACKNOWLEDGEMENTS

This article was carried out within the RSUH project “Intellectual history as an instrument of historical expertise” (“Student Project Research Teams of the RSUH” contest).

ЛИТЕРАТУРА

- Брачев 1993 – *Брачев В.С.* Сергей Фёдорович Платонов // Отечественная история. 1993. № 1. С. 111–128.
- Брачев 2010 – *Брачев В.С.* Служители исторической науки. Академик С.Ф. Платонов. Профессор И.Я. Фроянов. СПб.: Астерион, 2010. 768 с.
- Валк 1948 – *Валк С.Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды Юбилейной научной сессии [1819–1944]: секция исторических наук: Сб. докладов. Отв. ред. А.И. Молок. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1948. С. 3–79.
- Веселовский 1946 – *Веселовский С.Б.* Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году // Вопросы истории. 1946. № 1. С. 86–104.
- Веселовский 1963 – *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 539 с.
- Зайдель, Цвибак 1931 – *Зайдель Г.С., Цвибак М.М.* Классовый враг на историческом фронте. Л.: Соцэгиз, 1931. 232 с.
- Иванов 1938 – *Иванов А.* Рец.: Платонов, С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII веков. Опыт

- изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. Соцэкиз. 1937 // Историк-марксист. 1938. № 4. С. 153-156.
- Иванов 1983 – *Иванов Ю.А.* Отечественная историография классовой, социальной и национально-освободительной борьбы в России в начале XVII века: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. 235 с.
- Иллерицкий 1957 – *Иллерицкий В.Е.* Русская историография второй половины XIX века (лекции для студентов Московского государственного историко-архивного института). М.: Типография МСХ РСФСР, 1957. 107 с.
- Историография 1971 – Историография истории СССР с древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В.Е. Иллерицкого, И.А. Кудрявцева. Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1971. 458 с.
- Нечкина 1974 – *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества. М.: Наука, 1974. 638 с.
- Очерки 1960 – Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.В. Нечкиной (глав. ред.) [и др.]. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 2. 862 с.
- Очерки 1963 – Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.В. Нечкиной (глав. ред.) [и др.]. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 3. 830 с.
- Рубинштейн 1941 – *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. 659 с.
- Сахаров 1978 – *Сахаров А.М.* Историография истории СССР: досоветский период: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1978. 256 с.
- Скрынников 1985 – *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 326 с.
- Смирнов 1951 – *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова. 1606–1607. Л.: Госполитиздат, 1951. 588 с.
- Тихомиров 1962 – *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 583 с.

Цамутали 1986 – Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: историографические очерки. Л.: Наука, 1986. 336 с.

Шапиро 1962 – Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 235 с.

Шаров 1984 – Шаров В.А. Проблемы социальной и политической истории России второй половины XVI – начала XVII вв. в трудах С.Ф. Платонова: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 179 с.

REFERENCES

- Brachev, V.S. (1993), “Sergei Fedorovich Platonov”, *Otechestvennaya istoriya*, no. 1, pp. 111–128.
- Brachev, V.S. (2010), *Sluzhbitali istoricheskoi nauki. Akademik S.F. Platonov. Professor I.YA. Froyanov* [Servants of historical Science. Academician S.F. Platonov. Professor I.YA. Froyanov], Asterion, St. Petersburg, Russia.
- Illeritskii, V.YE. (1957), *Russkaya istoriografija vtoroi poloviny XIX veka (lektii dlya studentov Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta)* [Russian Historiography of the Second Half of the 19th Century (Lectures for Students of the Moscow State Historical and Archival Institute)], Moscow, USSR.
- Illeritskii, V.YE. and Kudryavtsev, I.A. (ed.) (1971), *Istoriografija istorii SSSR s drevneishikh vremen do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revoljutsii* [Historiography of the history of the USSR from ancient times to the Great October Socialist Revolution], 2nd ed., Vysshaya shkola, Moscow, USSR.
- Ivanov, L. (1938), “Rev.: Platonov, S.F. Essays on the history of the Troubles in the Moscow State of the XVI–XVII centuries. The experience of studying the social system and class relations in the Time of Troubles”, *Istorik-marksist*, no. 4, pp. 153–156.
- Ivanov, YU.A. (1983), *Otechestvennaya istoriografija klassovoj, sotsial'noi i natsional'no-osvoboditel'noi bor'by v Rossii v nachale XVII veka* [Russian Historiography of the Class, Social and National Liberation Struggle in Russia at the Beginning of the 17th Century], Ph.D. Thesis (History), Leningrad, USSR.

- Nechkina, M.V. (1974), *Vasilii Osipovich Klyuchevskii: istoriya zhizni i tvorchestva* [Vasili Osipovich Klyuchevskii: the story of his life and work], Nauka, Moscow, USSR.
- Nechkina, M.V. (ed.) (1960), *Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR* [Essays on the history of historical science in the USSR], vol. 2, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow, USSR.
- Nechkina, M.V. (ed.) (1963), *Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR* [Essays on the history of historical science in the USSR], vol. 3, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow, USSR.
- Rubinshtein, N.L. (1941), *Russkaya istoriografiya* [Russian historiography], State Publishing House of Political Literature, Moscow, USSR.
- Sakharov, A.M. (1978), *Istoriografiya istorii SSSR: dosovetskii period* [Historiography of the history of the USSR: the pre-Soviet period], Vysshaya shkola, Moscow, USSR.
- Shapiro, A.L. (1962), *Russkaya istoriografiya v period imperializma* [Russian Historiography in the Period of Imperialism], Leningrad University Press, Leningrad, USSR.
- Sharov, V.A. (1984), *Problemy sotsial'noi i politicheskoi istorii Rossii vtoroi poloviny XVI – nachala XVII vv. v trudakh S.F. Platonova* [Problems of social and political history of Russia in the second half of the 16th – early 17th centuries in the works of S.F. Platonov], Ph.D. Thesis (History), Moscow, USSR.
- Skrynnikov, R.G. (1985), *Sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Russkom gosudarstve v nachale XVII veka* [Socio-political struggle in the Russian state at the beginning of the 17th century], Leningrad University Press, Leningrad, USSR.
- Smirnov, I.I. (1951), *Vosstaniye Bolotnikova. 1606–1607* [Uprising of Bolotnikov. 1606–1607], State Publishing House of Political Literature, Leningrad, USSR.
- Tikhomirov, M.N. (1962), *Rossiya v XVI stoletii* [Russia in the 16th century], Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow, USSR.
- Tsamutali, A.N. *Bor'ba napravlenii v russkoi istoriografii v period imperializma: istoriograficheskie ocherki* [The Struggle of Trends in Russian

- Historiography during the Period of Imperialism: Historiographical Essays], Nauka, Leningrad, USSR.
- Valk, S.N. (1948), "Historical science at Leningrad University for 125 years", In *Istoricheskaya nauka v Leningradskom universitete za 125 let* [Proceedings of the Jubilee Scientific Session [1819–1944]: Section of Historical Sciences], Leningrad University, Leningrad, USSR, pp. 3–79.
- Veselovskii, S.B. (1946), "The establishment of the Oprichnina court in 1565 and its abolition in 1572", *Voprosy istorii*, no. 1, pp. 86–104.
- Veselovskii, S.B. (1963), *Issledovaniya po istorii oprichniny* [Research on the history of the Oprichnina], Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow, USSR.
- Zaidel', G.S. and Tsvibak, M.M. (1931), *Klassovyi vrag na istoricheskem fronte* [The class enemy on the historical front], State Publishing House of Socio-economic literature, Leningrad, USSR.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Илья В. Пашков, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; st-pashkov.i@rggu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilia V. Pashkov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; st-pashkov.i@rggu.ru